

The background of the slide features a close-up, slightly blurred image of a rolled-up parchment scroll and a quill pen resting on it. The scroll is unrolled on the left side, showing its texture and a small circular hole. The quill pen is positioned diagonally across the center. A semi-transparent light beige banner is overlaid horizontally across the middle of the image.

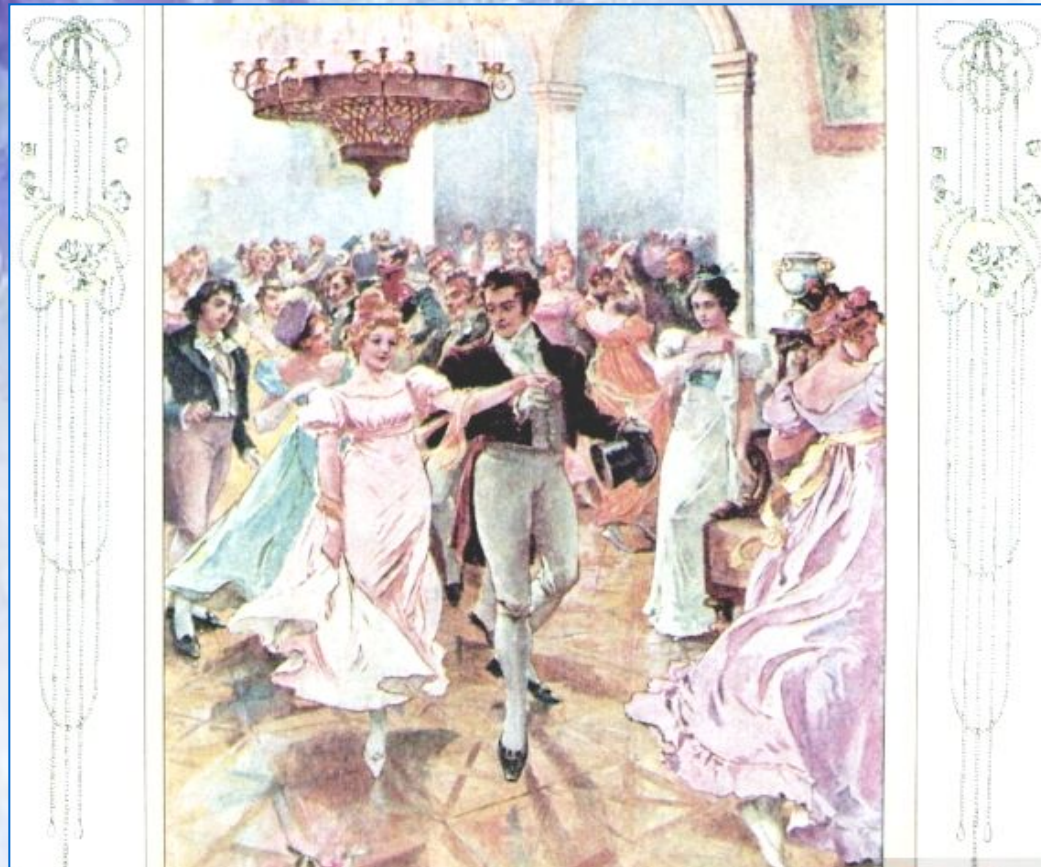
ГЛАВА ШЕСТАЯ

**Заметив, что
Владимир
скрылся,
Онегин, скукой
вновь гоним,
Близ Ольги в думу
погрузился,
Довольный
мщением своим.**

За ним и Оленька
зевала,
Глазами Ленского
искала,
И бесконечный
котильон
Ее томил, как тяжкий
сон.
Но кончен он. Идут за
ужин.
Постели стелют; для
гостей
Ночлег отводят от
сеней
До самой девичьи.
Всем нужен
Покойный сон.

Одна, печальна
под окном
Озарена лучом
Дианы,
Татьяна бедная
не спит
И в поле темное
глядит.

Его неожиданным
появлением,
Мгновенной нежностью
очей
И странным с Ольгой
поведеньем
До глубины души своей
Она проникнута; не может
Никак понять его; тревожит
Ее ревнивая тоска,
Как будто холодная рука
Ей сердце жмет, как будто
бездна
Под ней чернеет и шумит...
«Погибну, — Таня говорит,
—
Но гибель от него любезна.
Я не ропщу: зачем
роптать?
Не может он мне счастья
дать».

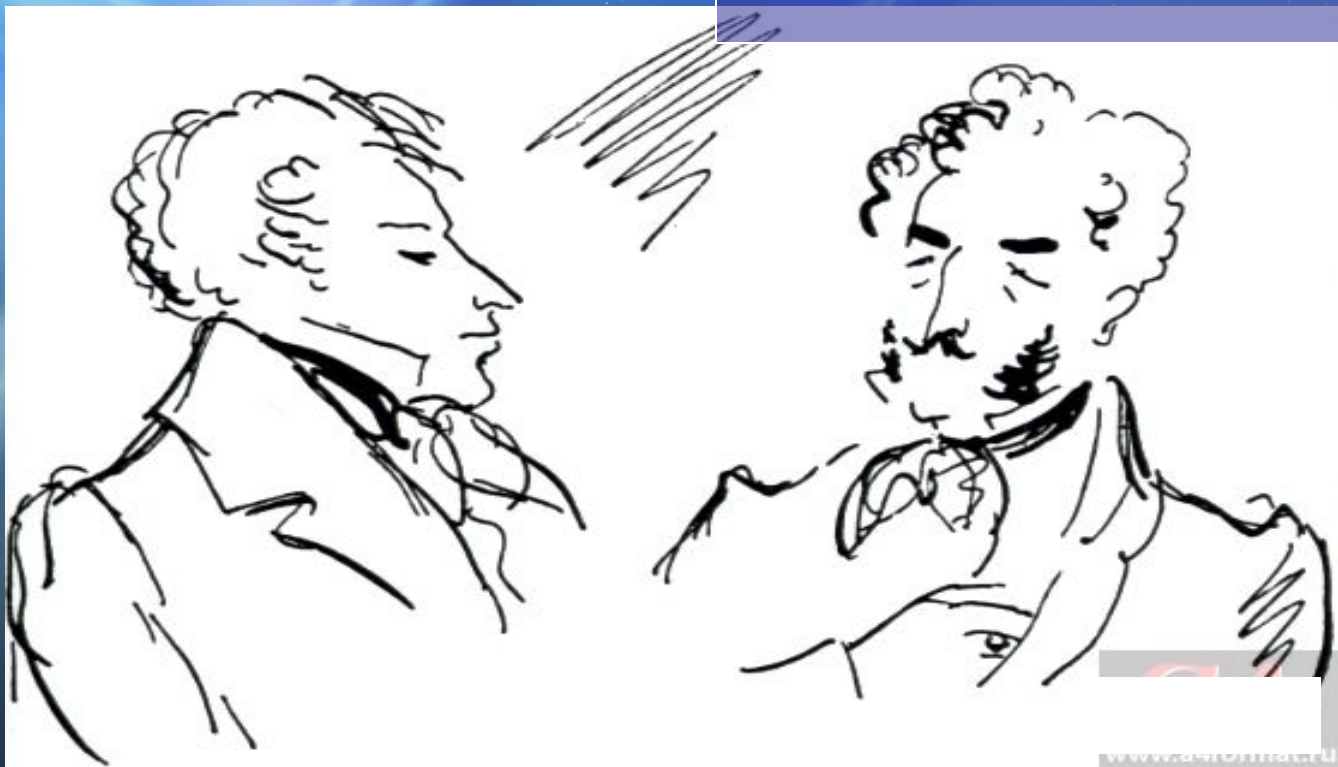

Лицо нас новое зовет.
В пяти верстах от
Красногорья,
Деревни Ленского,
живет
И здравствует еще
доныне
В философической
пустыне
Зарецкий, некогда буян,
Картежной шайки
атаман,
Глава повес, трибун
трактирный,

Теперь же добрый и простой
Отец семейства холостой,
Надежный друг, помещик мирный
И даже честный человек:
Так исправляется наш век!

Он был не глуп; и мой Евгений,
Не уважая сердца в нем,
Любил и дух его суждений,
И здравый толк о том о сем.
Он с удовольствием, бывало,
Видался с ним, и так нисколько
Поутру не был удивлен,
Когда его увидел он.

Тот после первого
привета,
Прервав начатый
разговор,
Онегину, осклабя взор,
Вручил записку от
поэта.
К окну Онегин подошел
И про себя ее прочел.

И поделом: в
разборе строгом,
На тайный суд себя
призвав,
Он обвинял себя во
многом:
Во-первых, он уж
был неправ,
Что над любовью
робкой, нежной
Так подшутил вечер
небрежно.
А во-вторых: пускай
поэт
Дурачится; в
о́сьмнадцать лет
Оно простительно.

Евгений,
Всем сердцем юношу любя,
Был должен оказать себя
Не мячиком предрассуждений,
Не пылким мальчиком, бойцом,
Но мужем с честью и с умом.

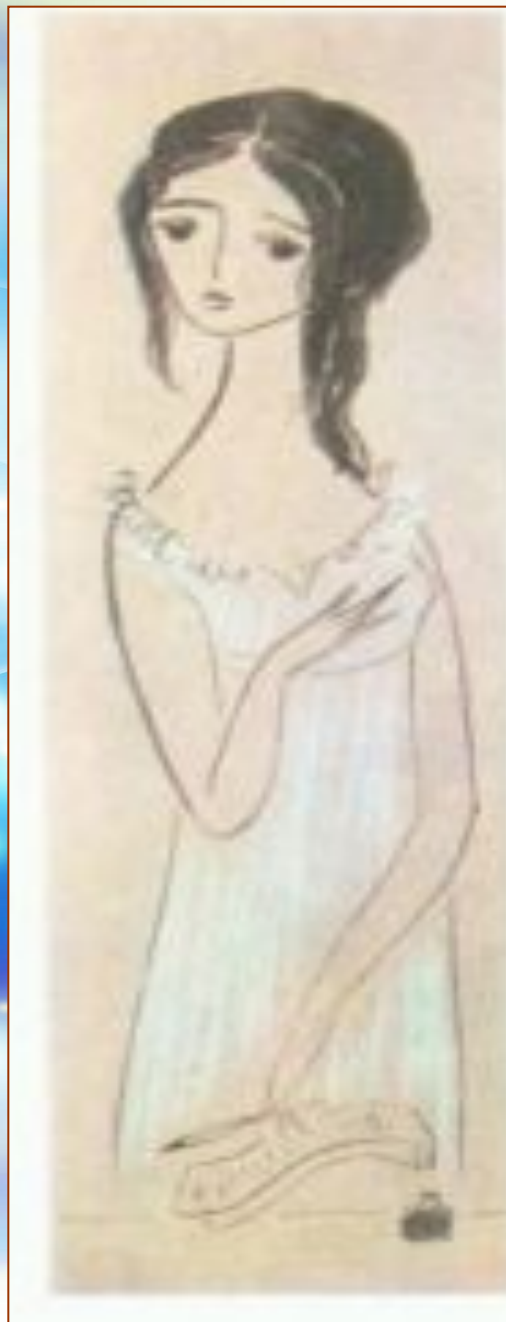
Решась кокетку ненавидеть,
Кипящий Ленский не хотел
Пред поединком Ольгу видеть,
На солнце, на часы смотрел,
Махнул рукою напоследок -
И очутился у соседок.

Он думал Оленьку смутить
Своим приездом поразить;
Не тут-то было:

как и прежде,
На встречу бедного певца
Прыгнула Олинька с крыльца,
Подобно ветреной надежде,
Резва, беспечна, весела,
Ну точно так же, как была.

Когда б он знал, какая рана
Моей Татьяны сердце жгла!
Когда бы ведала Татьяна,
Когда бы знать она могла,
Что завтра Ленский и
Евгений
Заспорят о могильной сени;
Ах, может быть, *ее любовь*
Друзей соединила б вновь!

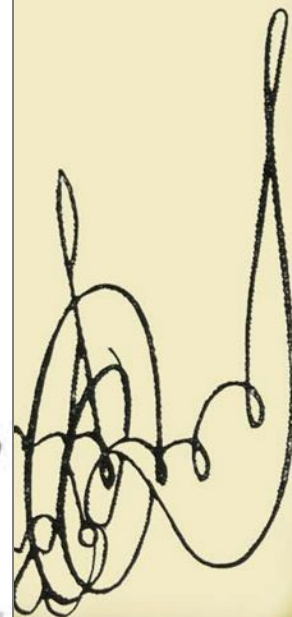

**Весь вечер Ленский был рассеян,
То молчалив, то весел вновь...**

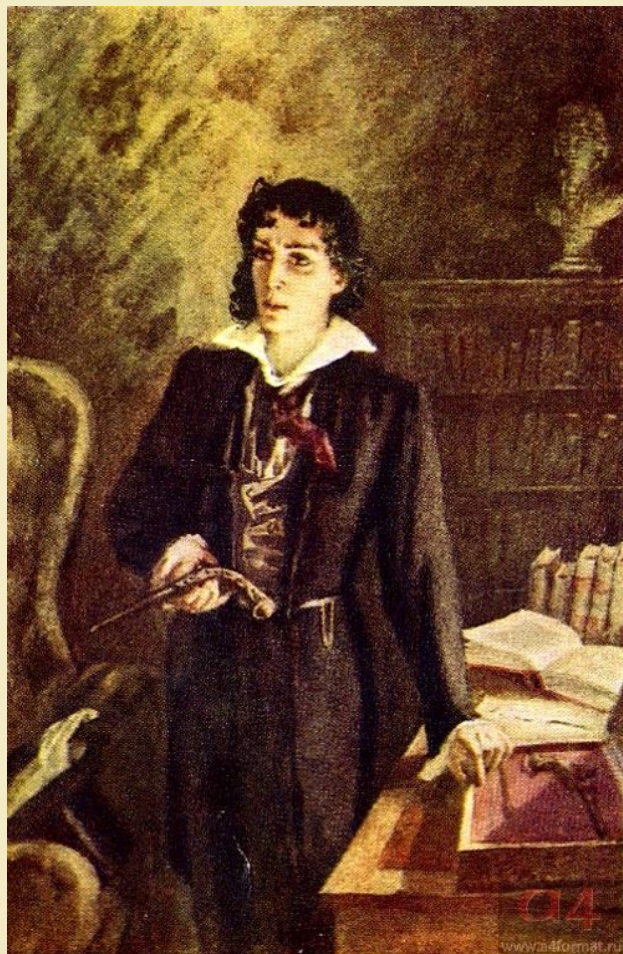

Домой приехав, пистолеты
Он осмотрел, потом вложил
Опять их в ящик и, раздетый,
При свечке, Шиллера
открыл...

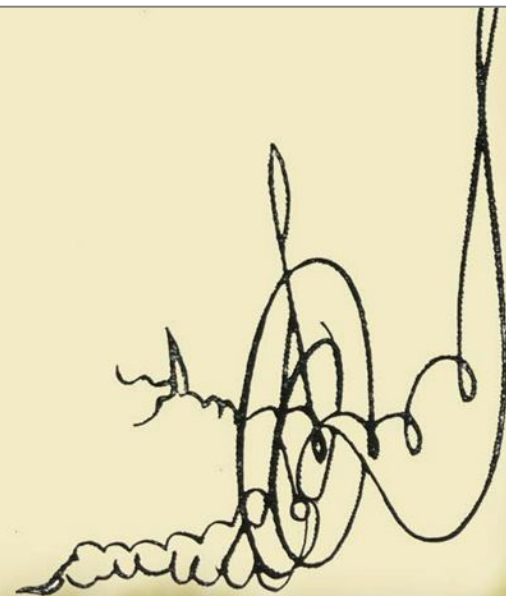

**Владимир книгу закрывает,
Берет перо; его стихи,
Полны любовной чепухи,
Звучат и льются.**

**Их читает
Он вслух, в лирическом жару,
Как Дельвиг пьяный на пиру.**

И наконец перед зарею,
Склонясь усталой головою,
На модном слове **идеал**
Тихонько Ленский задремал...

Но только сонным обаяньем
Он позабылся, уж сосед
В безмолвный входит кабинет
И будит Ленского воззванием:
«Пора вставать: седьмой уж час.
Онегин верно ждет уж нас».

Но ошибался он: Евгений
Спал в это время мертвым сном.

Вот наконец проснулся он
И полы завеса раздвинул;
Глядит — и видит, что пора
Давно уж ехать со двора.

Не засмеяться ль им, пока
Не обагрилась их рука,
Не разойтись ль любовно?..

Враги! Давно ли друг от друга
Их жажда крови отвела?

Давно ль они часы досуга,
Трапезу, мысли и дела
Делили дружно?

Ныне злобно,
Врагам наследственным
подобно,
Как в страшном, непонятном сне,
Они друг другу в тишине
Готовят гибель хладнокровно...

Но дико **светская** вражда
Боишься **ЛОЖНОГО** стыда.

**«Теперь сходитесь».
Хладнокровно,
Еще не целя, два врага
Походкой твердой, тихо,
ровно
Четыре перешли шага,
Четыре смертные ступени.
Свой пистолет тогда
Евгений,
Не преставая наступать,
Стал первый тихо
поднимать.
Вот пять шагов еще
ступили,**

**И Ленский, жмуря левый глаз,
Стал также целить — но как раз
Онегин выстрелил...**

... Пробили
Часы урочные: поэт
Роняет молча
пистолет,

На грудь кладет тихонько
руку
И падает. Туманный взор
Изображает смерть, не
муку.

**Мгновенным холодом
облит,
Онегин к юноше спешит,
Глядит, зовет его ...
напрасно:
Его уж нет. Младой певец
Нашел безвременный
конец!**

**Дохнула буря, цвет прекрасный
Увял на утренней заре,
Потух огонь на алтаре!..**

Недвижим он лежал, и
странен
Был томный мир его чела.
Под грудь он был навывлет
ранен;

Дымясь из раны кровь текла.
Тому назад одно мгновенье
В сем сердце билось вдохновенье,
Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипела кровь, —

**В тоске сердечных
угрызений,**

Рукою стиснув пистолет,
Глядит на Ленского
Евгений.

«Ну, что ж? убит», —
решил сосед.

Убит!.. Сим страшным
восклицаньем
Сражен, Онегин с
содроганьем
Отходит и людей зовет.
Зарецкий бережно кладет
На сани труп оледенелый;
Домой везет он страшный
клад.

Быть может, он для *блага мира*
Иль хоть для славы был
рожден...

А может быть и то: поэта
Обыкновенный ждал удел.
Прошли бы юношества лета:
В нем пыл души бы охладел.

Но что бы ни было, читатель,
Увы, любовник молодой,
Поэт, задумчивый мечтатель,
Убит приятельской рукой!

Хоть я сердечно
Люблю героя моего,

Хоть возвращусь к нему,
конечно,
Но мне теперь не до него.

Познал я глас иных желаний,
Познал я новую печаль;
Для первых нет мне упований,
А старой мне печали жаль.

**Мечты, мечты! где ваша
сладость?**

Где, вечная к ней рифма,
младость?

Ужель и вправду наконец
Увял, увял ее венец?

Ужель и впрям и в самом деле
Без элегических затей

Весна моих промчалась дней
(Что я шутя твердил доселе)?

И ей ужель возврата нет?

**Ужель мне скоро тридцать
лет?**

А ты, младое **вдохновенье**,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца **оживляй**,
В мой угол чаще прилетай,
Не дай остыть душе поэта,
Ожесточиться, очерстветь,
И наконец окаменеть
В мертвящем упоенье света,
В сем омуте, где с вами я
Купаюсь, милые друзья!

